

Джозеф Шеридан Ле Фаню Алтер де Лейси

«Глаза мертвецов: Антология ирландских рассказов о призраках»: Азбука-классика;
Санкт-Петербург; 2008
ISBN 978-5-91181-809-8

Аннотация

Алтер де Лейси, обнищавший ирландский аристократ, после долгих скитаний возвращается с дочерьми в родовой замок. Там их поджидает призрак, издревле преследующий род де Лейси.

Джозеф Шеридан Ле Фаню АЛТЕР ДЕ ЛЕЙСИ Легенда Кэпперкаллена

Глава первая НАСЛЕДСТВО ЯКОБИТА

В юности я слышал немало ирландских преданий, повествующих о более или менее сверхъестественных событиях, зачастую очень странных и, во всяком случае для ребенка, необычайно занимательных. Одно из них я сейчас поведаю, хотя излагать на письме старинную историю, передававшуюся из уст в уста, когда в распоряжении рассказчика живой голос и мимика, возбужденные слушатели заворожено внимают ему возле камина в гостиной, а за окном завывает зимний ветер, кряхтят и стонут ветви старых деревьев и по временам дребезжит оконная рама за ставнем и занавесями, — повторяю, излагать такую историю на письме по крайней мере утомительно, а то и вовсе непростительная дерзость.

Примерно посреди романтической Кэпперкалленской долины, там, где сходятся границы графств Лимерик, Клэр и Типперери, на уединенной и окруженной лесом гряде

холмов Слив-Фелим, в царствование Георга I и Георга II¹ возвышались живописные и величественные руины одного из самых прекрасных англо-ирландских замков Манстера, а может быть, и всей Ирландии.

Замок венчал собою обрывистый склон поросшей дремучим лесом долины и сам скрывался среди густых деревьев, которые в изобилии произрастали на этих одиноких холмах. На много миль в округе не найти никакого жилища, кроме уютящейся на дне долины, на широкой опушке густого леса, деревушки Мёрроу, состоящей из пяти-шести хижин и крошечной, крытой соломой часовни.

Сама уединенность и труднодоступность замка уберегли его от разрушения. Никто не решился разбирать и увозить тяжелые дубовые бревна, а тем более кирпичи и каменную плитку на кровле ветшающего замка. Все, что удалось унести, местные крестьяне растащили много лет назад. Остальное было брошено и медленно уничтожалось беспощадным временем.

Из поколения в поколение этим благородным замком и прилегающими землями в трех упомянутых графствах владели представители рода де Лейси — англичане по происхождению, в давние времена поселившиеся в Ирландии и перенявшие ирландские обычаи и образ жизни. По крайней мере эту часть своих поместий они получили от короля Генриха VIII и держали, сопротивляясь превратностям судьбы, вплоть до самой революции² в Ирландии, когда были объявлены вне закона, лишены всех прав и, подобно многим аристократическим семействам той эпохи, навсегда исчезли.

Тогдашний владелец имения отправился в изгнание во Францию, где некоторое время служил в Ирландской бригаде³, но впоследствии занемог. Он ушел в отставку, влачил жалкое существование при Сен-Жерменском дворе Якова II и умер в начале XVIII века — если мне не изменяет память, в 1705 году, — оставив единственного сына, едва достигшего двенадцати лет и нареченного странным, но знаменательным именем — Алтер⁴.

И здесь начинается необычайная и непостижимая часть моей истории.

Умирая, отец призвал его к своему смертному одру, в присутствии одного лишь духовника потребовал, чтобы он, по достижении совершеннолетия, предъявил свои права на маленькое поместье в графстве Клэр, в Ирландии, унаследовать которое он мог по материнской линии, и вручил ему грамоты, подтверждавшие законность его притязаний. Затем он взял с сына клятву не жениться до тридцати лет, поскольку ранние браки отвращают от смелых поисков и великих свершений и подобная женитьба не позволит ему осуществить дело всей его жизни — восстановление погрязших прав семьи. Далее он открыл сыну некую тайну, столь ужаснувшую мальчика, что тот горько заплакал и, дрожа, вцепился одной рукой в рясу священника, другой схватил холодеющее запястье отца и стал со слезами умолять его взять назад страшное признание.

Однако священник, несомненно осознавая необходимость такого шага, принудил его выслушать все до конца. Затем отец показал ему миниатюрный портрет, от которого мальчик также отпрянул с криком и на который отказывался взглянуть, пока его снова к этому не принудили. Отец и его духовник не отпускали мальчика, пока тот не запомнил черты

¹ Правление Георга I и Георга II приходится на 1714—1760 гг.

² Революцией автор называет серию якобитских восстаний, вспыхнувших в Ирландии между 1688 и 1746 гг. и имевших целью вернуть английский престол королю Якову II Шотландскому (Якову II Стюарту).

³ Такое название получила ирландская армия якобитов под командованием Патрика Сарсфилда, в 1691 г. по соглашению с Вильгельмом Оранским переправившаяся во Францию и ставшая частью французской армии.

⁴ Соответствует латинскому имени Ультор («мститель»), которое носил в одной из своих ипостасей древнеримский бог войны Марс.

изображенного на портрете и не смог подробно описать их по памяти, включая цвет глаз и волос, покрой и отделку платья. Потом отец дал ему этот портрет в полный рост, представлявший собою миниатюру дюймов девяти в длину, выполненную весьма изрядно маслом, гладкую, словно эмалевую, завернутую в лист бумаги и помещенную в черную шкатулку. Лист же был исписан ясным и разборчивым почерком.

Грамоты, подтверждавшие право собственности на землю, и эта черная шкатулка составляли все наследство разоренного якобита, которое он завещал своему единственному сыну и передал в руки священника, чтобы тот хранил его до тех пор, пока Алтер не достигнет возраста, когда сможет понять их важность и должным образом сберечь.

Исполнив свой долг, умирающий, должно быть, испытал облегчение, поскольку приободрился и сказал, что может поправиться. Вместе со священником он принялся утешать плачущего сына, дал ему серебряную монету купить яблок и послал погулять вместе с другим мальчиком, а когда Алтер вернулся, отец уже испустил дух.

Он оставался во Франции, опекаемый этим священнослужителем, до достижения двадцати одного года, затем уехал в Ирландию, а поскольку объявление его отца вне закона не лишало его права на земли матери, он без труда вернул себе маленькое поместье в графстве Клэр.

Там он и поселился, время от времени в унынии и в полном одиночестве обьезжал обширные земли, некогда принадлежавшие его отцу, и лелеял мрачные и несбыточные надежды, как обыкновенно случается с теми, кто одержим безнадежным замыслом.

Случалось ему приезжать и в Париж, издавна привлекавший разочарованных изгнанников из Англии, Ирландии и Шотландии. Там, тридцати с небольшим лет, он женился на дочери одного ирландского семейства, тоже разоренного. Его молодая жена вернулась вместе с ним в его уединенную и печальную манстерскую вотчину, где родила ему двух дочерей. Старшая, серьезная и благоразумная, Алиса, была темноглазая и темноволосая, а Уна, четырьмя годами младше, — с большими голубыми глазами и шелковистыми золотыми косами.

Их бедная мать по природе была, вероятно, беззаботной, общительной и живой, однако от ее веселого нрава, детской резвости и непосредственности вскоре не осталось и следа — она зачахла под бременем одиночества и уныния, ставших ее судьбой. Так или иначе, она умерла молодой, а о дочерях отныне заботился меланхолический и ожесточенный отец. Как гласит предание, они выросли настоящими красавицами. Старшую с детства прочили в монастырь, а младшую отец надеялся выдать за человека благородного, чему порукой были ее высокое происхождение и несравненная красота, если бы только отцу удалось выиграть в крупной игре, в которой он поставил все на карту.

Глава вторая ФЭЙРИ В ЗАМКЕ

Вспыхнуло восстание 1745 года, и Алтер де Лейси оказался в числе немногих ирландцев, преданных во время этого дерзкого и заведомо обреченного на провал мятежа. Разумеется, был подписан ордер на его арест, но найти его не сумели. Дочери по-прежнему жили в его уединенном доме в графстве Клэр, и даже они некоторое время не имели никаких вестей о том, бежал ли их отец на континент или до сих пор остается в Ирландии. Со временем он был объявлен вне закона и лишен всех прав, а его маленькое имение отобрано в казну. На барышень обрушилось истинное бедствие — нищенками очнулись они от сна, в котором им всю жизнь мнилось возвращение утраченного великолепия.

В должный срок явились описывать имущество судебные исполнители, и молодым леди пришлось тайно бежать. К счастью для них, священник, о котором я упоминал, в отличие от их отца, был не столь уверен в том, что тому удастся вернуть прекрасное имение предков. По его совету, согласно брачному договору родителей, Алисе и Уне полагалось по двадцать фунтов в год, и теперь лишь эта сумма отделяла гордый род де Лейси

от нищеты.

Однажды, поздно вечером, деревенские ребяташки, бродившие по темной и извилистой Кэпперкалленской долине, возвращались домой, набив карманы орехами и фрокенами⁵. Вдруг, к своему изумлению и даже ужасу, они заметили, что из узкого окна скрытой плющом и ветвями могучих деревьев башни, нависшей над пропастью, льется красноватый свет, особенно яркий на фоне сгущающихся сумерек, затопивших долину.

— Смотрите, смотрите, не иначе как там, в башне, поселились духи и гоблины! — наперебой закричали дети по-ирландски и бросились врассыпную.

Бежать по руслу долины, усеянному крупными камнями и поросшему могучими деревьями и густым кустарником, было по меньшей мере неудобно. Уже стемнело, и дети рисковали сломать себе шею, продираясь сквозь ежевику и орешник и перепрыгивая с валуна на валун. Маленький Шейн Мал Риан, отстав от друзей, повторял: «Подождите!» — но тут из ивовых зарослей у подножия каменной лестницы, проложенной по склону долины, вдоль стены замка, метнулась какая-то призрачная белесая тень, мальчик почувствовал, что кто-то поймал его за шиворот, и грубый мужской голос прорычал: «Вот я тебя!..»

Мальчик завопил от ужаса, споткнулся и кубарем покатился по земле, но в ту же минуту его грубо схватили за руку и подняли, как следует встряхнув.

Шейн Мал Риан вскрикнул, сам не свой от страха, и, плача, умолял его отпустить.

— Кто это, Ларри, что там за шум? — послышался сверху, из окна башни, голос, заглушаемый шелестом деревьев, — звонкий и нежный, точно низкие ноты флейты.

— Да ребенок, миледи, мальчишка.

— Он поранился?

— А ну отвечай, ты цел? — напустился на мальчика белый человек, по-прежнему держа его за руку, и повторил свой вопрос по-ирландски, но ребенок только всхлипывал и молил о пощаде, сложив ладони и норовя упасть на колени.

Однако сильная рука старого Ларри держала его почти на весу. Мальчик и вправду поранился, кровь тонкой струйкой стекала у него по виску.

— Он чуть-чуть поцарапался, миледи!

— Приведи его сюда.

Шейн Мал Риан сдался. Он понял, что очутился среди «доброго народа» и теперь останется у него в плену на целую вечность и еще один день. Сопrotивляться было бессмысленно. Совершенно смущенный и озадаченный, он смирился с судьбой невольника и покорно позволил увести себя из долины на уступ, уже не пытаясь вырваться из цепких узловатых рук старика Ларри. Он лишь робко и замороженно глядел на высокие величественные деревья и седой фасад замка, слабо различимый в лунном свете, словно они привиделись ему во сне.

Шейн Мал Риан едва поспевал за длинными журавлиными ногами старика и украдкой рассматривал его поношенный белый сюртук с синей отделкой и большими оловянными пуговицами, серебристо-седые волосы, выбивавшиеся из-под выдавшей виды треуголки, и смышленное, решительное лицо, изборожденное морщинами. Не выражавшее и тени сочувствия, лицо это, белое и призрачное в лунном свете, как представлялось мальчику, вполне соответствовало облику истинного фэйри.

Старик молча провел его под высокой аркой ворот, потом по заросшему бурьяном двору, потом к двери в дальнем углу замка, потом по бесконечным каменным ступеням темной крутой лестницы, потом по короткому коридору в большой зал, где дрова и торф горели в очаге, в котором явно давным-давно не разжигали огонь. Над огнем висел котел, и в нем деловито помешивала длинной деревянной ложкой старуха. Зал освещала всего одна свеча в медном подсвечнике, а на полу, на столе, на стульях громоздилась всевозможная утварь, груды выцветших гобеленов, ларцы, сундучки, скатерти, оловянные блюда и кубки.

⁵ От ирландского frahan — черника.

Однако испуганный взгляд мальчика тотчас приковало к себе не убранство зала, а две девицы. На них были красные домотканые плащи, вроде тех, что носят крестьянки в Манстере и Коннахте, да и остальной их убор весьма напоминал своей незатейливостью наряд простонародья. Но держались они с таким достоинством, пленяли такой утонченностью манер, такой красотой и, главное, так привыкли повелевать, что не узнать в них благородных леди было невозможно.

Старшая, черноволосая, с серьезными карими глазами, что-то писала, сидя у свечи за простым дубовым столом, и подняла голову, когда вошел мальчик. А от младшей, откинувшей капюшон плаща, прекрасной и веселой, с водопадом волнистых золотых волос и большими голубыми глазами, с выражением доброты и лукавства, мальчик не мог отвести взгляд, — такой красивой она ему показалась.

Леди стали о чем-то спрашивать старика на языке, которого мальчик не знал, явно не на английском, ведь английским он кое-как владел. Казалось, рассказ старика их развеселил. Леди обменялись взглядом и загадочно улыбнулись. Теперь Шейн Мал Риан окончательно уверился, что пребывает среди «добрého народа». Младшая с веселым видом подошла к нему и сказала:

— А знаешь ли ты, кто я, мой мальчик? Нет? Так знай же, я фэйри Уна, и ты перенесен в мой дворец. Вот эта фэйри, — произнесла она, указывая на темноволосую леди, в эту минуту искавшую что-то в ларце, — моя сестра и лейб-медик, госпожа Тьма-и-мрак, это, — указывая на старика и старуху, — мои придворные, а я сейчас раздумываю, как же мне с тобою поступить: не послать ли тебя верхом на камышинке на дно озера Лох-Гур, в заколдованный замок графа Десмонда, — передать от меня поклон? А может быть, немедленно отправить тебя в мою подземную темницу, скрытую глубоко-глубоко, где тебя будут неусыпно стеречь мои верные гномы? Или заточить тебя на обратной стороне луны, а твоим тюремщиком назначить лунного человека, и там, на луне, ты будешь томиться трижды триста лет и еще один день! Ах, нет, не плачь! Я только пугала тебя, чтобы ты и твои друзья забыли дорогу к замку. На сей раз я тебя прощу. Но отныне любой мальчишка, которого я или мои придворные поймем в окрестностях замка, будет принадлежать нам вечно и никогда больше не вернется домой.

Прочитав Шейну это маленькое наставление, она пропела старинную песенку и, напустив на себя таинственность, проделала несколько танцевальных па, придерживая плащ тоненькими пальчиками, а под конец присела в глубоком реверансе, чем повергла Шейна в неопишное смущение.

После этого, негромко рассмеявшись, она произнесла:

— Ну что ж, а теперь осмотрим твою рану.

С этими словами леди промыли царапину, а старшая заклеила ее пластырем. Потом голубоглазая леди достала из кармана маленькую коробочку французских леденцов и высыпала ее содержимое мальчику на ладонь, прибавив:

— Не бойся, они не отравленные, можешь спокойно их есть, а я велю моему фэйри Бланк-э-блэ вывести тебя из замка. Проводи его, — приказала она Ларри, — да не забудь на прощание хорошенько ему напомнить, чтобы не смел более здесь появляться.

А старшая, взглянув на нее с печальной и нежной улыбкой, промолвила:

— Ах, милая Уна, вечно ты со своим сумасбродством и проказами! Что бы ни случилось, твой нрав неизменно весел.

А Уна, смеясь, поцеловала ее в щеку.

Снова отворилась дубовая дверь, и Шейн вместе с Ларри, который крепко держал его за руку, спустились вниз по лестнице. В угрюмом молчании он прошел вместе с мальчиком по заросшему кустарником склону холма примерно с полпути до деревушки Мёрроу, а потом остановился и произнес по-ирландски:

— Ты впервые увидел фэйри, друг мой, а увидевшим нас не часто случается возвратиться в земной мир и о том поведать. Тот, кто — ночью ли, днем — зайдет за этот камень, — и Ларри постучал по нему тростью, — больше не вернется домой, потому что мы

заберем его до Страшного суда. Спокойной ночи, сорванец, теперь ступай...

Выходит, это барышни Алиса и Уна с двумя старыми слугами по распоряжению отца поселились в той части уединенного старого замка, что возвышалась над долиной. Они перевезли туда мебель и ковры из своего прежнего дома в графстве Клэр, заменили разбитые стекла, починили нехитрую утварь, как следует проветрили комнаты и кое-как сделали эту часть замка пригодной для жилья, превратив ее во временное пристанище, пусть и суровое и негостеприимное.

Глава третья

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ СВЯЩЕННИКА В ДОЛИНЕ

Первое время они, разумеется, почти не виделись с отцом, да и вести от него получали редко. Однако они знали, что он намерен поступить на военную службу во Франции и со временем выписать их к себе. В нынешнем странном пристанище им, как они полагали, предстоит прожить совсем недолго, и потому они со дня на день ждали известия от отца, вызывающего их на континент.

Спустя некоторое время повстанцев преследовали уже не столь жестоко, как поначалу. Правительство, скорее всего, уже нисколько не заботило, куда Алтер де Лейси направился и где скрывается, при условии, что он никого более не подстрекает к мятежу и нигде не показывается. Во всяком случае, местные власти ничего не предпринимали для его поимки. Когда отобранное имение выставили на торги, молодым леди без проволочек выплатили часть его стоимости, и никто не полюбопытствовал, куда же делась мебель и другое движимое имущество, которое увезли из конфискованного дома.

Слава замка с привидениями — а в те времена в чудеса верили и стар и млад — обеспечила семейству желанное уединение. Раз, а то и два в неделю старый Ларри еще затемно тайком запрягал низкорослого мохнатого пони, отправлялся в Лимерик и под покровом ночи возвращался с покупками. Время от времени, в лунные ночи, старый приходский священник украдкой пробирался в замок отслужить мессу для маленькой паствы, объявленной вне закона.

Как только всеобщее смятение улеглось и мятежников перестали искать, отец стал изредка тайно навещать их. Вначале он решался пробыть только одну ночь и принимал все меры предосторожности, чтобы его не обнаружили в замке, но постепенно стал проводить с дочерьми по несколько дней и уже не так тщательно скрывался. Однако он был, как говорят в Манстере, всегда начеку. У постели он неизменно держал заряженное ружье и приготовил в замке несколько потайных мест на случай, если его попытаются захватить врасплох. Но поскольку власти, казалось, о нем забыли, он если и не воспрянул духом, то несколько успокоился.

Наконец он стал оставаться в замке на целых два месяца кряду, а потом уезжал столь же внезапно и таинственно, как и появлялся. Вероятно, он, как обычно, лелеял план какого-то заговора, вынашивал замыслы якобитского восстания и жил в постоянном лихорадочном возбуждении, питаемый тщетными надеждами.

Не заключалась ли некая идеальная справедливость в том, что маленькому семейству, тайно обосновавшемуся в уединенном, полуразрушенном замке, суждено было самому испытать то сверхъестественное влияние каких-то загадочных существ, которое оно в шутку себе приписывало?

Первым следствием вмешательства потусторонних сил явилось то, что старый священник перестал тайно навещать своих прихожан в замке. Однажды ночью, оставив свою лошадку у ризничего в деревне, он зашагал по извилистой тропке, петляющей меж серыми валунами и зарослями папоротника в горной долине, намереваясь подать духовное утешение прекрасным затворницам, и непостижимым образом заблудился.

Ночь та была и вправду лунной, но на небе вышел всего-навсего тоненький месяц, который то и дело заволакивала длинная череда мрачных, медленно проплывающих облаков,

и потому свет падал слабый, тусклый, а бывало, что на минуту-другую месяц и вовсе скрывался, и тогда наступала тьма. Дойдя до того места, откуда вела лестница в замок, священник понял, что не может найти ее, а на краю долины не увидел знакомых очертаний замковых башен. Несколько озадаченный, он двинулся дальше по лощине, недоумевая, отчего его обычный путь выдался столь долгим и утомительным.

Наконец он смог ясно разглядеть замок и различить пламя одинокой свечи в одном из окон — условный знак, что его ждут. Однако он не сумел найти лестницу и принужден был с трудом взбираться по крутому склону, огибая камни и заросли густого кустарника. Вскрабкавшись наверх, он с удивлением обнаружил, что стоит посреди вересковой пустоши. Потом облака вновь скрыли месяц, и он стал медленно, ощупью пробираться вперед, пока наконец снова не заметил очертания замка, отчетливо выделявшиеся на фоне неба. Но на сей раз оказалось, что священник принял за него контуры огромной зубчатой тучи на горизонте. Спустя несколько минут ему почудилось, будто он почти набрел на смутно мерцавшую в неверном свете месяца серую стену замка, и, только стукнув по ней своей увесистой дубовой палкой, он понял, что перед ним дикий серый утес причудливой формы, из тех, что живописными террасами вздымаются по склонам этих одиноких гор. Так он блуждал по рытвинам и оврагам, пытаясь попасть в призрачный замок, до самого рассвета, пока совсем не растерялся и не выбился из сил.

В другую ночь, решив проехать верхом часть пути по плоской долине, а потом, как обычно, привязать лошадь к дереву, он внезапно услышал ужасный крик, раздавшийся с отвесной скалы у него над головой. В тот же миг что-то — по-видимому, огромное человеческое тело — рухнуло, ломая ветки, вниз головой с утеса, со страшным шумом упало прямо под копыта лошади и осталось лежать там гигантской обмякшей тушей. Лошадь испуганно осела на задние ноги, а всадника прошиб холодный пот, и он совсем обезумел от страха, когда это безжизненное тело, распростертое на земле, вдруг вскочило и, раскинув руки, словно преграждая путь, приблизило к нему огромное белесое лицо. Тут лошадь встала на дыбы и, в ужасе заржав и едва не сбросив седока, понеслась прочь бешеным галопом.

Нет нужды перечислять все странные злоключения, которые пережил бедный священник, пытаясь навестить одиноких обитателей замка. В конце концов они настолько утомили и испугали его, что он утратил свою прежнюю решимость и смирился. Поэтому его пастырские визиты вовсе прекратились, а днем он не рисковал приезжать в замок, опасаясь вызвать пересуды и подозрения.

Поэтому молодые леди в замке еще сильнее стали ощущать свое одиночество. Отец, приезжавший теперь часто и остававшийся надолго, в последнее время совсем перестал говорить о том, что им предстоит перебраться во Францию, гневался всякий раз, стоило лишь об этом упомянуть, и, очевидно, к немалому их огорчению, навсегда отказался от этого замысла.

Глава четвертая

СВЕТ НА КОЛОКОЛЬНЕ

Вскоре после того, как визиты священника в замок прекратились, старый Лоренс ночью заметил свет в одном из окон колокольни и был немало удивлен. Поначалу из окна во двор замка падал всего лишь едва различимый красноватый лучик, то почти затухающий, то загорающийся снова, а спустя несколько минут он совсем потускнел, словно свечу унесли из комнаты. Колокольня с освещенным окном располагалась в угловой башне, прямо напротив той, где поселилось маленькое семейство изгнанника.

Все были встревожены, услышав о появлении этого тусклого красного света. Никто не знал, откуда он взялся. Однако Лоренс, побывавший со своим старым господином, дедом барышень, — упокой Господь его душу! — в итальянской кампании, решил во что бы то ни стало выяснить, что там творится, взял пару кавалерийских седельных пистолетов и поднялся по крутой лестнице на колокольню. Впрочем, поиски его оказались тщетны.

Свет в окне колокольни чрезвычайно беспокоил обитателей замка, им, разумеется, сделалось не по себе при мысли, что в их жилище обосновался еще один постоялец, возможно непредсказуемый и опасный, а то и целая колония.

Вскоре свет в той же комнате появился снова и на сей раз горел дольше и ярче. Снова старый Лоренс выхватил пистолеты, поклявшись выследить злодея и теперь уже вознамерившись, если надобно, не выпустить его живым. Молодые леди замерли в тревожном ожидании, выглядывая из большого окна в их собственной твердыне. Однако едва Лоренс поднялся на колокольню и приблизился к комнате, в которой виднелось зловещее красноватое свечение, как оно стало тускнеть и вскоре совершенно исчезло, не успев Лоренс прокричать из сводчатого окна: «Куда же оно подевалось?»

Наконец свет в окне колокольни стал появляться почти каждую ночь. Именно там в давние недобрые времена прежние представители рода де Лейси решали судьбу плененных врагов по законам феодального права и, как уверяло предание, зачастую даровали осужденным для молитвы и исповеди времени не более, чем требовалось для того, чтобы взойти на зубчатую стену башни, где их немедля и казнили через повешение, для примера и устрашения возможных злоумышленников, наблюдавших за казнью из долины.

Старый Лоренс с тревогой смотрел на мерцающий свет на колокольне, ожидая всяческих напастей, и измышлял хитроумные планы, чтобы захватить дерзких незваных гостей врасплох, но тщетно. Однако никто не станет спорить, что сколь бы странным и зловещим ни казалось нам некое явление, если мы замечаем его часто и если оно не сопровождается более никакими ужасами, оно в конце концов перестает нас тревожить и даже занимать наше воображение.

Итак, обитатели замка привыкли к этому таинственному свету. Никакого вреда он им не причинял. Старый Лоренс, покуривая трубку в заросшем сорняками замковом дворе, не без опасения вглядывался в маленький язычок пламени, мерцавший в темном оконном проеме, и вполголоса произносил молитву, а то и потихоньку клялся разведать, кто же там скрывается. Однако преследовать незваных гостей он давно перестал, сочтя, что это бесполезно. А Пегги Салливан, старая служанка, случайно увидев краем глаза сияние, льющееся из окна облюбованной призраками башни, — обычно она избегала на нее даже смотреть, — неизменно крестилась и перебирала четки, на лбу у нее резче обозначались глубокие морщины, и она темнела лицом. И тревогу ее нисколько не рассеивала легкость, с которой стали говорить и даже шутить о призраке молодые леди, оправившись от первого испуга, привыкнув и преисполнившись к этому загадочному огню некоторого пренебрежения, как ко всему хорошо знакомому.

Глава пятая

ЧЕЛОВЕК С РОДИМЫМ ПЯТНОМ

Однако, едва первое волнение улеглось, Пегги Салливан подняла новый переполох, торжественно поклявшись, что видела на закате, как раз когда молодые леди вышли погулять под стенами замка, в том самом окне худого, изможденного человека с красным родимым пятном во всю щеку.

Барышни решили, что старой служанке все это приснилось, но теперь у них был повод пошутить утром и испытать легкое, не лишнее приятности волнение вечером, когда ночь окутывала огромный уединенный замок покровом тьмы. Однако вскоре, подобно тому как слабое мерцание огонька сменяется ровным ярким светом, их догадки сменились совершенной уверенностью.

Старый Лоренс, не склонный к пустым фантазиям, здравомыслящий и наделенный орлиным зрением, примерно в то же время, что и Пегги, когда последние лучи заката окрасили пурпуром шпили башен и верхушки соседних деревьев, заметил в окне того самого человека.

Лоренс как раз вошел во двор через главные ворота, как вдруг услышал громкое

встревоженное чириканье воробьев, которое они обыкновенно поднимают, завидев своих старинных врагов — ястреба или кошку. Казалось, ожили густые заросли плюща на стене слева, и Лоренс, невольно подняв глаза, но не ожидая увидеть ничего необычного, с ужасом разглядел в нише окна, откуда падал загадочный свет, худого, невзрачного человека, скрестившего ноги, опиравшегося на каменный переплет окна и со злорадной ухмылкой посматривавшего вниз, — щеку его целиком покрывало ярко-красное родимое пятно.

— Теперь ты от меня не уйдешь, негодяй! — вскричал Ларри в приступе ярости и страха. — Ну-ка спрыгивай оттуда и сдавайся, а не то застрелю!

Подтвердив свою угрозу проклятием, он выхватил из кармана один из длинных кавалерийских пистолетов, что повсюду носил с собой, и ловко прицелился в незнакомца.

— Считаю до десяти — раз, два, три, четыре... Шаг назад — стреляю, смотри, я не шучу... пять, шесть — лучше тебе поторопиться... семь, восемь, девять... Даю тебе последний шанс. Спускаешься? Нет? Тогда получай!

И он выстрелил. От жуткого незнакомца Ларри отделяло всего футов пятнадцать, а стрелок он был хоть куда. Однако на сей раз он позорно промахнулся, поскольку пуля только поцарапала побелку на каменной стене в ярде от его цели, а незнакомец даже не пошевелился и продолжал язвительно ухмыляться как ни в чем не бывало.

Ларри вскипел от унижения и злости.

— Ну теперь-то я до тебя доберусь, приятель! — прохрипел он со злобной усмешкой, вытаскивая вместо пистолета с дымящимся стволом запасной, уже заряженный.

— В кого это ты палишь, Ларри? — произнес знакомый голос у него над ухом, и, обернувшись, он увидел своего хозяина, которого сопровождал красивый юноша в дорожном плаще.

— Да вот в того мерзавца, ваша милость.

— Там же никого нет, Ларри, — удивленно сказал де Лейси и рассмеялся, что было у него не в обычае.

На глазах у Ларри зловещий незнакомец словно растаял и исчез без следа. Там, где мгновение назад красовалось его обезображенное лицо, теперь медленно покачивались на ветру красно-желтые плети плюща, там, где только что виднелся его силуэт, отчетливо проступила полуразрушенная и выцветшая каменная кладка, а его длинные журавлиные ноги оказались двумя скрещенными полосками красно-желтого лишайника. Ларри перекрестился, отер пот со лба и на минуту от смущения лишился дара речи. Нечистый сыграл с ним злую шутку, не иначе; он готов был поклясться, что прекрасно различал лицо незнакомца, даже кружева и пуговицы на его плаще и камзоле, даже тонкие смугловатые пальцы с длинными ногтями, вцепившиеся в оконный переплет, на котором теперь не осталось ничего, кроме пятна ржавчины.

Молодой джентльмен, веселый и любезный француз, приехавший вместе с де Лейси, пробыл в замке целый день и с радостью разделил с маленьким семейством скромную вечернюю трапезу. Красота, остроумие и живой нрав младшей барышни, по-видимому, произвели на него глубокое впечатление, — расставаясь с ней, он сожалел о том, что провел в ее обществе столь малое время, и был, несомненно, опечален.

Ранним утром, когда француз уехал, Алтер де Лейси долго беседовал со старшей дочерью, пока младшая, как обычно, доила маленькую черную коровку южноирландской породы, которую эта *proles generosa*⁶ числила среди своих вассалов в заколдованном царстве.

Отец поведал Алисе, что побывал во Франции, сказал, что король обошелся с ним необычайно милостиво, и добавил, что нашел для ее сестры Уны прекрасную партию. Избранный им молодой человек был высокого происхождения и, хотя был небогат, владел

⁶ Здесь: благородная дева (лат.).

землей и *nom de terre*⁷, а также имел чин капитана гвардии. Речь шла о молодом французе, который только что был их гостем. Какие именно обстоятельства потребовали его присутствия в Ирландии, Алтер де Лейси уточнять не стал, однако подчеркнул, что воспользовался случаем представить дочери будущего жениха и понял, что она произвела на француза именно то впечатление, на какое он рассчитывал.

— Ты ведь знаешь, дорогая Алиса, я принес обет отдать тебя в монастырь. Если бы не это...

Он чуть помедлил.

— Вы правильно поступили, батюшка, — сказала она, поцеловав ему руку. — Я и в самом деле чувствую склонность к духовному призванию, и никакие земные узы или соблазны не заставят меня отречься от монашеского поприща.

— Что ж, — ответил де Лейси, в свою очередь с нежностью погладив ее по голове, — я вовсе не намерен тебя торопить. Лучше будет, если ты пострижешься в монахини после того, как Уна выйдет замуж. Однако свадьба ее, по многим веским причинам, может состояться лишь через год. К тому времени мы оставим это странное прибежище, недостойное благородных де Лейси, и переберемся в Париж, где найдется немало монастырей, готовых с радостью принять тебя и числящих меж насельниц француженок самого высокого происхождения. Хоть имя де Лейси исчезнет, во Франции, благодаря замужеству Уны, продолжится наш род. В жилах ее потомков будет течь наша благородная кровь, они смогут заявить права на земли предков, ибо рано или поздно справедливость восторжествует и представители нашего рода, вернув себе славу и могущество, возвратятся в эту страну, где прежде познали величие и претерпели страдания. Но пока нам не следует упоминать при Уне, что она уже просватана. Здесь, в уединении, некому ухаживать за нею и пленить ее. Но стоит ей узнать, что ее судьба решена окончательно, она может заупрямиться и возроптать, а нам с тобою этого не надобно. Посему храни молчание.

В тот же вечер он отправился с Алисой прогуляться, говорили они о вещах скорбных и неутешительных, и де Лейси, как обычно, рисовал перед ее внутренним взором смутные воздушные замки, возведению коих он чаще всего и предавался, воскресая душою и оживляясь за этим бесплодным занятием.

Они медленно шли по мягкой темно-зеленой дерновой лужайке, тянувшейся меж стеной замка и опушкой леса, как вдруг, огибая колокольню, столкнулись с человеком, который шагал им навстречу. Заметив незнакомца, Алиса, на протяжении многих месяцев видевшая в замке лишь молодого француза, представленного отцом, была столь поражена и испугана, что на мгновение замерла.

Однако ее ошеломила не внезапность, с которой точно из-под земли появился незнакомец, а мрачные и зловещие черты его облика. Был он высок и тощ, нехорош собою, одет в поношенный костюм скорее испанского покроя — в коричневый, отделанный кружевом плащ и выцветшие алые чулки. Его длинные журавлиные ноги, длинные руки, длинные тонкие пальцы, длинное и худое болезненное лицо, длинный унылый нос, язвительная, саркастическая усмешка и особенно пурпурно-красное родимое пятно производили впечатление самое отталкивающее.

Проходя мимо, он дотронулся до берета изможденными, бескровными пальцами, злорадно покосился на де Лейси и Алису и исчез за углом. Отец и дочь безмолвно проводили его взглядом.

Вначале Алтер де Лейси, казалось, оцепенел от ужаса, а затем впал в буйную ярость. Он отшвырнул трость, выхватил шпагу и, забыв о дочери, бросился за незнакомцем.

Но де Лейси успел только заметить, как качнулось перо на его берете, мелькнули жидкие развевающиеся волосы, дрогнул кончик шпаги, взметнулись полы плаща, скрылись

⁷ *Nom de terre* (фр.) — название поместья, ленного владения, имения, которое прибавляется к имени владельца.

за углом красные чулки и башмаки, — и незнакомец точно сквозь землю провалился.

Когда Алиса догнала отца, тот стоял, по-прежнему сжимая обнаженную шпагу, взволнованный и глубоко опечаленный.

— Слава богу, он ушел! — воскликнула она.

— Ушел, — безучастно повторил де Лейси, глядя куда-то в пустоту.

— И вы в безопасности, — добавила она, взяв его за руку.

У него вырвался тяжелый вздох.

— Как вы думаете, батюшка, он не вернется?

— Кто «он»?

— Незнакомец, который только что прошел мимо! Вы знаете его, батюшка?

— И да и нет, дитя мое... Я его не знаю и вместе с тем знаю его слишком хорошо... Я готов отдать все на свете, лишь бы немедленно покинуть это обиталище призраков... Будь проклята бессмысленная злоба, породившая дух этой ужасной вражды, который не в силах умиротворить никакие жертвы, не в силах умиловать никакие страдания... Изгнать или хотя бы отсрочить этот злой рок не способны даже благостные церковные обряды... Негодяй прибыл издалека с единственной целью — лишить меня моей последней надежды, загнать нас в наше последнее убежище, точно диких зверей в нору, уничтожить весь наш род и с торжеством насладиться зрелищем нашей гибели. Почему этот глупый священник перестал навещать моих детей? Неужели мои дочери будут лишены мессы и исповеди — святых таинств, которые не только спасают душу, но и защищают от всяческого зла, — потому что он однажды заблудился в лесу или принял белую пену в ручье за лицо утопленника? Будь он неладен!

Что ж, Алиса, — продолжал де Лейси, — если он не придет, вам с Уной надлежит исповедаться перед ним, изложив все грехи на бумаге. Лоренсу можно доверять, Лоренс передаст вашу исповедь, и мы добьемся для него у епископа, а если понадобится, то и у самого Папы, разрешения отпустить вам грехи. Я сделаю все, лишь бы вы причастились таинств, бедные дети, и не остались без попечения Церкви. Я довольно грешил в юности и не тщусь показаться праведником, но знаю, что есть лишь один верный путь и... И пока живете здесь, ни на миг не расставайтесь с этим (он открыл маленькую серебряную шкатулку), сложите ее, благоговейно творя молитву, зашейте в пергамент с псалмом и носите на сердце. Это освященная облатка, она, вместе с заступничеством святых, охранит вас от зла... Неукоснительно соблюдайте посты, усердно возносите молитвы Господу — я более ничего не могу для вас сделать. Воистину, проклятие пало на меня и на моих домочадцев.

Он замолчал, и Алиса увидела, как по его бледному, взволнованному лицу катятся слезы отчаяния.

Это загадочное происшествие отец и дочь тоже решили сохранить в тайне, и Уна о нем не узнала.

Глава шестая **ГОЛОСА**

Вдруг Уна неизвестно почему утратила свою обычную живость и побледнела. Она забыла о шутках и проказах и даже петь перестала. В обществе сестры она теперь чаще молчала и полюбила одиночество. Она все повторяла, что ее не мучит недуг, что ее душевный покой не смущает тайная скорбь, однако она ни за что на свете не хотела признаться, почему с ней произошла столь печальная перемена. Она стала капризной, упрямой и раздражительной и, вопреки своему обыкновению, замкнутой и холодной.

Все это необычайно тяготило Алису. В чем причина их отчуждения, неужели она чем-то обидела сестру? Но прежде Уна не помнила зла более часа. Почему же ее словно подменили? Что, если это приближающееся безумие окутало ее своей холодной тенью?

Один или два раза, когда сестра со слезами умоляла Уну открыть причину постигшей ее перемены, та слушала, безмолвно, с глубоким удивлением и даже подозрением глядя на

нее, и казалось, вот-вот не выдержит и посвятит ее в тайну. Но потом она медленно опускала печальный остановившийся взор, на лице ее появлялась странная лукавая улыбка, она начинала что-то шептать, и в ее многозначительной улыбке и шепоте Алисе чудилась какая-то зловещая тайна.

Уна и Алиса делили одну спальню в самой высокой башне замка. На стенах этой комнаты, тотчас по приезде, когда бедняжка Уна еще не утратила свою привычную живость и веселый нрав, они повесили старинные гобелены и убрали ее редкой иноземной утварью, проявив тонкий вкус и вволю позабавившись. Однажды ночью, отходя ко сну, Уна произнесла, словно ни к кому не обращаясь:

— Более я не буду спать в этой комнате, рядом с Алисой, — это моя последняя ночь здесь.

— И чем же заслужила бедная Алиса столь странную немилость?

Уна с любопытством и даже не без испуга взглянула на нее, а затем на лице ее, словно лучик лунного света, заиграла загадочная улыбка.

— Ах, Алиса, разве дело в тебе?

— А почему ты больше не хочешь спать со мной в одной комнате?

— Почему? Алиса, душа моя, я не могу ответить, знаю только, что должна спать отдельно от тебя, или меня ждет смерть.

— Смерть, Уна, боже мой! Да как же это?

— Воистину, тогда я умру, Алиса. Все мы рано или поздно умираем или переживаем некую перемену, и я предчувствую, что мой час близок, если только я не стану спать отдельно от тебя.

— Уна, душенька, думаю, ты и вправду больна, но не смертельно.

— Уне известно, о чем ты думаешь, мудрая Алиса, но Уна не безумна, напротив, проницательнее многих.

— И такая грустная и странная...

— Во многом знании многая печали, — ответила Уна и, не откидывая с лица пряди золотистых волос, которые она расчесывала, стала пристально смотреть в окно, где за вершинами высоких деревьев смутно виднелась тихая долина, замершая в лунном свете. — Довольно, Алиса, ничего уже не переменить. Мою постель надобно убрать отсюда, а не то я скоро засну в холодной могиле. Впрочем, я буду совсем близко, в этой маленькой комнатке.

Уна говорила о маленькой каморке, или чуланчике, смежном с их спальней. Стены замка были невероятно толсты, комнаты разделяли двойные дубовые двери, и Алиса, вздохнув, подумала, что теперь они будут как никогда далеки друг от друга.

Однако она не стала перечить. Постель Уны перенесли в маленькую каморку, и сестры впервые с самого детства стали спать в разных комнатах. Спустя некоторое время Алиса проснулась на исходе ночи, мучимая кошмаром, где главную роль играл зловещий незнакомец, которого они повстречали на прогулке в замке.

Когда она очнулась от сна, в ушах ее все еще звучал голос, тревоживший ее сон, — глубокий, звучный бас, раздававшийся со дна долины под стенами замка, — словно кто-то вяло, равнодушно не то мурлычет себе под нос, не то напевает песню, то умолкая, то затягивая снова, как человек, коротающий время за работой. Алиса мысленно подивилась, откуда бы взяться в этой глуши певцам, как вдруг наступившую тишину — Алиса ушам своим не верила — отчетливо прервало звонкое контральто Уны, совсем рядом, на соседнем окне, пропевшей куплет-другой. Снова воцарилось молчание, а затем снова раздался странный мужской голос, бормочущий песенку где-то далеко в долине, на дне пропасти, скрытой в густой листве.

Не в силах подавить самые мрачные опасения, охваченная ужасом, Алиса осторожно проскользнула к окну. Высоко в небесах луна, немало повидавшая на своем веку и умеющая хранить секреты, улыбалась холодной загадочной улыбкой. Однако Алиса заметила в окне Уны красноватый свет мерцающей свечи и, казалось, различила в оконной нише тень ее головы. Потом все смолкло, свет погас, и ничто более не смущало тишину ночи.

Утром, за завтраком, Алиса и Уна невольно прислушивались к веселому пению птиц в пронизанной солнцем листве.

— Какой чудный щебет, — произнесла Алиса, непривычно бледная и печальная, — он переливается, словно лучи утреннего солнца. Помню, Уна, ты тоже прежде любила петь на рассвете, как эти веселые птицы, но это было до того, как ты стала от меня что-то скрывать.

— А я знаю, что хочет сказать мудрая Алиса, но есть другие птицы, говорят, самые сладкоголосые, те, что безмолвствуют весь день и поют лишь ночью.

Так они отныне и жили бок о бок: старшая — измученная, снедаемая тоской, младшая — молчаливая, не похожая на себя и непредсказуемая.

Вскоре после этого, опять-таки на исходе ночи, Алиса, проснувшись, расслышала обрывки разговора, доносившиеся из комнаты сестры. Говорящие явно не таились. Алиса не могла различить слова, потому что от Уны ее отделяли стены толщиной в шесть футов и две дубовые двери. Но, несомненно, это звонкому голосу Уны вторил глубокий, подобный ударам колокола, бас неизвестного.

Алиса вскочила с постели, второпях натянула платье и кинулась в комнату сестры, однако внутренняя дверь была заперта на засов. Едва она стала стучать, как голоса смолкли и Уна отворила и остановилась на пороге в ночной рубашке, держа в руке свечу.

— Уна, Уна, душа моя, заклинаю тебя, скажи, кто здесь? — едва выдохнула испуганная Алиса, прижав дрожащие руки к груди.

Уна отстранилась, не сводя с Алисы безучастного взора больших голубых глаз.

— Войди, Алиса, — холодно произнесла она.

С трепетом Алиса переступила порог и в страхе огляделась. Спрятаться в каморке и вправду было негде: все ее убранство составляли стул, стол, простая постель без матраца и два-три крючка для одежды на стенах. Узкое окно с двумя металлическими поперечными перекладинами, ни камина, ни дымохода — почти голая комната.

Алиса ошеломленно осмотрелась и исполненным страдания взором испытующе поглядела в глаза сестры. Уна улыбнулась своей лукавой улыбкой и сказала:

— Что за странные сны! Мне снился сон, и Алисе тоже. Она видит те же сны, что и Уна, слышит в сновидениях те же голоса и дивится, — вот уж, право, поразительные совпадения.

После этого она поцеловала сестру в щеку холодными губами, легла в свою узкую постель, положив тонкую руку под голову, и не произнесла более ни слова.

Алиса, в совершенном смятении, вернулась к себе.

Вскоре возвратился Алтер де Лейси. Странную историю, которую поведала ему дочь, он выслушал с явным беспокойством и растущей тревогой. Однако он приказал ей не говорить об этом никому, кроме него самого и священника, если тот возобновит посещения замка. Вместе с тем де Лейси пообещал, что испытания их скоро завершатся, ибо дела его приняли благоприятный оборот. Его младшую дочь можно было выдать замуж спустя всего несколько месяцев, и в самом скором времени им предстояло перебраться в Париж.

Через день или два по приезде отца, в полночь, Алиса услышала знакомый глубокий и низкий голос, что-то тихо говоривший, казалось, у самого ее окна, а отвечал ему голос Уны, нежный и звонкий. Алиса бросилась к окну, распахнула его, встала на колени в глубокой оконной нише и опасливо покосилась на соседнее окно сестры. Однако, заслышав ее шаги, говорившие умолкли, и Алиса заметила, как от окна уносят свечу. Луна ярко освещала всю башню замка, возвышавшуюся над долиной, и Алиса отчетливо разглядела в лунном свете тень человека, распростертую на стене, как на экране.

В этой черной тени она с ужасом узнала силуэт незнакомца в испанском платье, его берет и плащ, его шпагу, его тонкие длинные руки и ноги, его жуткую угловатость и весь его мрачный облик. Алисе почудилось, будто он повис над бездной, держась руками за подоконник, а ноги прямо у нее на глазах все росли и росли, приближаясь к земле, пока наконец не потерялись во мраке, и тогда зловещий призрак, вспыхнув, точно свеча, пронесся вглубь долины, подобно тени, которая пропадает, стоит лишь резким движением повернуть

лампу. Так одним прыжком незнакомец соскочил со стены замка.

— Не знаю, наяву я это вижу и слышу, или меня мучает наваждение, но я попрошу отца стеречь этого призрачного выходца вместе со мной, и уж двоих-то морок никак не обманет. Да хранят нас святые угодники!

В ужасе закрылась она с головой и не менее часа шепотом молилась.

Глава седьмая **ОТ УНЫ, С ЛЮБОВЬЮ**

— Я виделся с отцом Деннисом, — сказал де Лейси на следующее утро, — и он пообещал прийти к вам завтра. Хвала Господу, вы сможете исповедоваться, он отслужит для вас обедню, и душа моя наконец успокоится. Ты тотчас почувствуешь, что и Уна обретет свою прежнюю живость и веселость.

Однако задуманное де Лейси не сбылось. Священнику не суждено было исповедать бедную Уну. Пожелав сестре доброй ночи, она долго глядела на нее остановившимся, безучастным, безумным взором, но вот наконец взгляд ее потеплел, словно она вспомнила об их былой привязанности. Глаза ее медленно наполнились слезами, одна за другой падавшими на простое домотканое платье, а она все глядела и глядела на сестру.

Алиса, вне себя от восторга, вскочила и бросилась Уне на шею.

— Ах, душа моя, все позади, ты снова со мной, и мы теперь заживем счастливее, чем прежде.

Однако, сжимая Уну в объятиях, Алиса почувствовала, что та не отрываясь, приоткрыв в задумчивости рот, глядит в окно: мыслями она была уже где-то далеко-далеко.

— Чу! Слушай! Тише! — воскликнула Уна, вперив взор расширенных глаз в пустоту, словно пытаясь пронзить стену замка, деревья, долину и темный полог ночи, приложив ладонь к уху, едва заметно покачивая головой, точно в такт музыке, неслышной Алисе, и улыбаясь странной, торжествующей улыбкой...

Затем улыбка медленно исчезла с ее лица, сменившись выражением хитрости и затаенного лукавства, которое почему-то так пугало ее сестру, и она проникновенно и нежно запела, словно грезила наяву, какую-то завораживающую мелодию, напомнимшую Алисе прекрасную и печальную ирландскую балладу «Шул, шул, шул, арун»⁸, об ирландском солдате, объявленном вне закона и в полночь призывающем свою возлюбленную, — балладу, которую она слышала в комнате Уны недавно ночью.

Накануне Алиса почти не спала. Сейчас она едва не падала от изнеможения и, оставив свечу у изголовья, тотчас же крепко заснула. Однако вскоре совершенно пробудилась от сна, точно и не смыкала глаз, как частенько случается без всяких причин, и увидела, что в комнату входит Уна. Держа в руках маленький мешочек для рукоделия, который сама расшила цветными нитками, она тихонько проскользнула к постели, улыбаясь своей странной лукавой улыбкой и, очевидно, не подозревая, что сестра ее не спит.

Алису охватил безотчетный ужас, она не могла ни слова вымолвить, ни пошевелиться, а ее сестра в это время тихо запустила руку под подушку и так же тихо убрала ее. Уна некоторое время постояла у камина, потом протянула руку к каминной полке и взяла оттуда маленький кусочек мела, и Алисе почудилось, что этот кусочек мела она вложила в худую, длиннопалую, изжелта-бледную ладонь, осторожно показавшуюся из-за двери. Уна замерла на пороге, с улыбкой обернулась на сестру и тихонько проскользнула к себе, неслышно затворив дверь.

⁸ «Shule, shule, shule, aroon» («Приди, моя возлюбленная», «Приди, мой возлюбленный») — одна из наиболее известных ирландских народных песен. Существует в разных вариантах, чаще исполняется от лица девушки, тоскующей по возлюбленному. Была написана, очевидно, в конце XVII в., когда после поражения в битве на реке Бойн армия ирландских якобитов отправилась в изгнание во Францию.

Едва не лишившись чувств от страха, Алиса кинулась следом за нею и, остановившись посреди ее комнаты, воскликнула:

— Уна, Уна, во имя Господа, что с тобою?

Но Уна, казалось, крепко спит... Она испуганно вздрогнула, приподнялась в постели, с удивлением взглянула на сестру и недовольно проговорила:

— Что ты тут делаешь, Алиса?

— Ты заходила ко мне в комнату, Уна, взволнованная и встревоженная.

— Это все сны, Алиса. Мои сновидения смутили твой сон, только и всего. Ложись в постель и спи.

И Алиса легла в постель, но заснуть не смогла. Не смыкая глаз, пролежала она более часа, как вдруг снова появилась Уна. На сей раз она была одета, в плаще и в крепких башмаках, судя по тому, как стучали по полу ее каблуки. В руке она держала маленький узелок, увязанный в носовом платке, на голову набросила капюшон. Собравшись в дорогу, она встала в изножья постели и долго не сводила с Алисы взгляда столь мрачного и жестокого, что та едва не лишилась чувств. Потом она повернулась и ушла в свою каморку.

Если она и возвращалась, Алиса ее не видела. Однако она не могла забыться сном, не в силах подавить волнение и тревогу, и вскрикнула от ужаса, когда примерно час спустя раздался стук в ее дверь — не в ту, что вела в крохотную комнатку Уны, а в дверь, выходящую в коридор, который сообщался с крутой каменной лестницей. Алиса вскочила с постели, но, к своему облегчению, поняла, что дверь ее заперта. Тут из коридора снова постучали, и до нее донесся негромкий смех.

Наконец страшная ночь кончилась и наступило утро. Но куда пропала Уна?

Алисе более не суждено было ее увидеть. В изголовье ее постели она обнаружила написанные мелом слова: «Алтер де Лейси — Алтер О’Доннел», а под своей подушкой нашла прощальный подарок — маленький мешочек для рукоделия, который видела ночью в руках у Уны. На нем было вышито: «От Уны, с любовью».

Ужас и ярость де Лейси не знали пределов. В исступлении он обвинял священника в том, что тот, потакая своим глупым страхам и пренебрегая своими обязанностями, предал его дитя дьявольским козням, и неистовствовал, и богохульствовал как безумный.

Поговаривают, будто он приказал отслужить торжественный обряд изгнания нечистой силы, надеясь тем избавить от чар и вернуть дочь. Несколько раз, как уверяет предание, ее видели старые слуги. Однажды, теплым летним утром, ее заметили в окне башни — она расчесывала свои прекрасные золотистые кудри, держа в руке маленькое зеркальце. Поняв, что за нею наблюдают, она поначалу словно испугалась, а потом на лице ее появилась странная, лукавая улыбка. Иногда, лунными ночами, запоздавшие путники встречали ее в долине, и она неизменно приходила в смятение, но потом, точно успокоившись, принималась напевать отрывки старинных ирландских баллад, из тех, что повествуют о печальной девичьей судьбе, схожей с ее собственной. Призрак ее давным-давно перестал смущать покой живых. Однако утверждают, будто по временам, раз в два-три года, на исходе летней ночи в укромных уголках долины можно расслышать доносящийся точно издалека, едва различимый, нежный голос Уны, которая поет эти грустные мелодии. Рано или поздно, конечно, и эти призрачные песни смолкнут, и о судьбе ее забудут навсегда.

Глава восьмая **СЕСТРА АГНЕССА И ПОРТРЕТ**

Когда Алтер де Лейси умер, его дочь Алиса нашла среди принадлежавших ему реликвий маленькую шкатулку, в которой хранился какой-то портрет. Едва взглянув на него, она в ужасе отпрянула. Ибо на портрете со всеми зловещими подробностями был точно изображен призрак, запомнившийся ей столь живо, словно она видела его только вчера. В той же шкатулке лежал свернутый лист бумаги, на котором была написана следующая повесть: «В лето Господне 1601, в декабре, Уолтер де Лейси, владетель Кэпперкаллена,

пленил на переправе возле прихода Оуни, называемого также Эйбингтон, множество ирландских и испанских солдат, бежавших после разгрома с поля боя в Кинсейле⁹. В их числе захватили и некоего Родерика О’Доннела, коварного предателя и близкого родственника тому О’Доннелу, что был вожаком мятежников. Сей Родерик О’Доннел, уверяя, будто состоит с де Лейси в родстве по материнской линии, умолял сохранить ему жизнь и предлагал богатый выкуп, однако де Лейси, стремясь, как многие полагали, заслужить милость ее величества королевы, незамедлительно предал его смерти. Входя на башню замка, где предстояло ему быть повешенным, пребывая в отчаянии и не уповая более на милосердие, О’Доннел поклялся, что хотя и не в силах причинить де Лейси никакого вреда в этой жизни, будет творить им всяческое зло после смерти, пока не искоренит весь их род. С тех пор часто видели его призрак, который неизменно нес де Лейси пагубу, и посему детям семейства де Лейси старшие представители рода взяли за правило показывать миниатюрный портрет О’Доннела, обнаруженный среди его имущества, дабы сей ужасный выходец с того света не застал их врасплох, не уничтожил дьявольскими кознями и ухищрениями и не оставил семейство де Лейси без наследников благородной крови и славного имени».

Старая мисс Крокер из имения Росс-Хаус, которой в 1821 году, когда она поведала мне эту историю, было около семидесяти лет, виделась и беседовала с Алисой де Лейси, принявшей монашеский обет под именем сестры Агнессы в монастыре на Кинг-стрит в Дублине, который основала знаменитая герцогиня Тирконнелская¹⁰. Рассказ сестры Агнессы она передала слово в слово, ничего не меняя. Я счел его достойным внимания и не могу более ничего к нему добавить.

⁹ Речь идет об исторических событиях — о попытке древней ирландской аристократии освободиться от английского владычества, прибегнув к помощи католической Испании. В 1601 г. Хью О’Нил, граф Тиронский, и Хью О’Доннел, заручившись поддержкой испанцев, подняли мятеж в графстве Корк, на юге Ирландии, но были разбиты превосходящими их силами англичан в битве при Кинсейле.

¹⁰ Фрэнсис Дженнингс, в первом браке леди Гамильтон, во втором — герцогиня Тирконнелская (1647—1731), — знаменитая светская красавица, основательница монастыря Бедной Клары в Дублине.